

...ИДУ ЗАЩИЩАТЬ ВИЗАНТИЮ...

Рецензия на: Сорочан, С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. Учебное пособие. Харьков, Майдан, 2011. 952 с.*

А. Н. Домановский

Византийской империи не слишком везло, что называется, „при жизни“, и еще меньше посчастливилось после смерти. Как справедливо замечает С. Б. Сорочан, „Византия всегда жила вопреки. Такой она осталась и за гробом...“ (с. 321). Действительно, роль Римской империи в мировой истории оказалась весьма далекой от однозначной оценки как современниками, так и потомками, изучавшими ее жизнь и гибель, начиная с эпохи Возрождения и, в особенности, Просвещения. Именно тогда, благодаря активным усилиям французских просветителей, сформировался тот отрицательный „миф Византии“ как лживого и продажного царства необоримого упадка, порока и лицемерия, который продолжает активно воспроизводиться и бытовать в наше время. Интересно в этом плане отметить, что в русском языке термин „византийский“ в значении „хитрый, лицемерный, жестокий“ зафиксирован именно в „Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка“, составленном А. Н. Чудиновым в 1910 г.¹

Мало помогает в борьбе с этим антиисторичным в своей основе стереотипом и противоположный, сугубо апологетический взгляд на Византию как прикровенную обитель православных христианских добродетелей, идеальную модель миропорядка и общественно-государственного устройства. Скорее даже наоборот, излишняя нарочитая идеализация лишь вредит, поскольку позволяет оппонентам использовать эту упрощенную, лубочную, схематизированную донельзя интерпретацию как весьма удобную модель для битвы и поношения. Пример с широко известным фильмом „Византийский урок. Гибель империи“ (2008 г.) весьма в этом плане показателен. Дискуссия вокруг фильма лишь заострила противостояние сторон, мало способствуя становлению взвешенных оценок Византии, ее роли в истории и значения ее наследия как для современной Европы в целом, так и для России и Украины в частности.

Как справедливо отмечал А. М. Лидов: „Я принципиально не участвовал в полемике, которая развернулась с невероятным жаром, страстью и жесткостью после появления фильма, увидев в ней очередную драку двух ложных мифов и со стороны противников, и со стороны защитников, с одной стороны либерально-западнического, с другой – национально-почвеннического толка. Это очень знакомый, абсолютно бесперспективный и не добавляющий ничего ни к пониманию Византии, ни к нашему национальному самосознанию разговор, только укрепляющий стороны во взаимной ненависти и неприязни“².

В такой ситуации единственно правильным становится отстраненное рассмотрение Византии как „вещи-в-себе“, безотносительно нашего современного ее восприятия и оценочных суждений, поскольку странно подходить к государству и обществу далекого Средневековья с нынешним аршином ценностей и понятий. „...Восприятие современными византиниста-

* Ссылки на рецензируемое издание даются в тексте рецензии в круглых скобках.

ми (да и в целом историками) прошлого обусловлено тем, как они принимают собственную современность, – писал Игорь Шевченко в статье „Восприятие Византии“. – Этого обстоятельства избежать никак нельзя, и обязанность ученого – ... понять это, смириться с этим и по мере своих сил использовать эту обусловленность, избегая ее ловушек. Это – большая ответственность, ибо образ Византии, который предстанет перед нами, в конце концов будет зависеть от усилий профессиональных византинистов“³.

Именно такой путь, не побоявшись вполне осознаваемой ответственности, проделал автор рецензируемого издания „Византия. Парадигмы сознания, быта и культуры“ С. Б. Сорочан, попытавшийся, и достаточно успешно, воссоздать „некий усредненный образ этой великой Империи, сквозь который проглянуло бы ее сердцевинное содержание, остававшееся максимально неизменным“ (с. 18). С этой целью автором был избран „проблемный принцип изложения, затрагивающий основные блоки, из которых слагались повседневная жизнь, быт, общественное сознание, менталитет и культура византийцев“ (с. 18).

Такой подход позволил взглянуть на мир глазами средневекового ромея-византийца, понять его систему ценностей и жизненных установок, и, следовательно, „очеловечить“, если позволительно будет так сказать, историю Византийской империи, отказавшись от абстрактных оценочных историософских выводов, слабо подкрепленных данными источников, от упрощенных социологизаторских схем общественного развития, за которыми терялись реальные люди, наконец, от исключительного внимания к придворной истории тайных интриг, заговоров, дворцовых переворотов, мятежей и попросту – склок.

На этом пути автор несколько не оправдывал и ничуть не выгораживал империю ромеев, но, показывая ее в ином, гораздо более близком и понятном современному человеку свете, объективно выступал ее защитником против несправедливых, несколько незаслуженных нападок. Очевидно, не случайно в качестве одного из эпиграфов к предисловию приведены поэтические слова Н. В. Жилиной:

„Не говори, что в науке сбиваюсь с пути я,
Ну, согласишься, что как воин и как пилигрим,
Страшно подумать, иду защищать Византию,
Сладко мне верить, что поиск мой ею храним“ (с. 7).

В центр изложения был поставлен простой византиец – крестьянин и торговец, ремесленник и монах, цирковой возница и мелкий чиновник с их повседневными заботами и переживаниями, далекими жизненными планами и порой сиюминутными влечениями. Именно это позволило автору „произвести предварительное диагностирование византийского общества как системы, модели исторического развития, объяснить процесс исторического движения, особенности, специфику эволюции „супердержавы“ Средневековья, раскрыть ее сильные и слабые стороны, а значит, понять причины блестящих успехов и роковых неудач, в итоге приведших к трагической гибели Империи“ (с. 18).

В качестве отдельной заслуги С. Б. Сорочана можно отметить то, что в книге уделено немало внимания темам, редко попадающим на страницы обобщающей научно-популярной литературы, а если и упоминаемым – то крайне кратко, лапидарно. Это значение в жизни византийцев семьи, дружбы и карьеры, общественное положение и роль женщины, протекание и восприятие детства. Каждой из названных тем посвящен специальный параграф предельно насыщенного информацией текста, основывающегося на отменном знании источников, с одной стороны, и на последних достижениях мировой византистики – с другой.

Вместе с тем, отказавшись как от роли безусловного сторонника и апологета Византии, так и от роли ее категоричного обвинителя, С. Б. Сорочан не останавливается ни перед справедливой похвалой, ни перед заслуженным осуждением империи. Интересны в этом плане его оценки внешней политики византийского государства, реализовывавшейся ею на практике „Grand Strategy“, если обратиться к этому использованному Э. Люттваком в его нашумевшей монографии⁴ понятию. „...Ромеи, – пишет автор, – в редких случаях нападали первыми: они были не столь воинственны и предпочитали разрабатывать разные способы защиты вме-

сто более агрессивных действий. Нелепыми представляются обвинения западноевропейцами Византии в неких поползновениях в сторону соседей. Византийская армия не жгла и не грабила Париж и Лондон. А вот обратный факт имел место по отношению к Константинополю. Сами же византийцы стремились решать сложные вопросы посредством тонкой дипломатической игры, этого почти незаметного для непосвященных, гибкого, коварного оружия. Как образно и вместе с тем верно заметил Джон Хэлдон, – ромеи „проливали чернила, а не кровь“ (с. 22).

Весьма сдержанно относится С. Б. Сорочан и к идее о Византийской империи как тоталитарном государстве, „тысячелетней лаборатории тоталитарного опыта“, о чем писали А. П. Каждан⁵ и А. Я. Гуревич, последний из которых, не стал, по его словам, византинистом именно потому, что византийские порядки слишком уж напоминали ему советские реалии времен сталинизма⁶. „Первый после Бога“ василевс-космократор и самодержец-автократор оказывается далеко не таким всемогущим и бесконтрольным, как это можно было бы предположить, и ограничения, накладываемые на его власть традицией, религией, да и попросту волокитой бюрократического аппарата, оказываются не менее весомыми чем, к примеру, наличие Конституции и парламента (см. с. 37–49). „Нам, воспитанным на ценностях современной демократии, – отмечает автор, – надо обязательно учитывать, что самодержавие – это независимость от других государей, а не произвол, вседозволенность, уверенность в собственной непогрешимости. Самодержец – это суверен, не платящий никому дани. Но это не значит, что он все делает сам как хочет. Действительно, все полномочия высшей власти у него нераздельны, ему не ставит границ другая земная власть и он не может быть поставлен перед земным судом, но над ним – суд собственной совести и Божий суд. И он должен считать священными границы своей власти, причем считать куда жестче, чем если бы они были ограничены некими предписаниями“ (с. 38).

Не менее позитивно оценивает С. Б. Сорочан и историческую миссию Византии в геополитической истории Западной цивилизации: „Византии, как и Древней Руси, – отмечает он, – выпало на долю вести судьбоносную для Европы борьбу с опасными врагами из Азии... и тем самым обеспечить существование многих европейских государств, дать им развиваться, стать на ноги. Именно поэтому ее собственная история оказалась впечатляющей последовательностью политических потрясений. Романия платила за все по полному счету, – платила за себя и за других, давая им возможность выжить, развиваться, прикрывая собой неблагодарный Запад от грозных врагов с Востока. Не будь этого великого бастиона христианства, что ждало бы Европу, на каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись?“ (с. 23). Весьма показательно в этом плане название популярной книги Л. Браунворса: „Проигравшая Западу (или, все же, „Утраченная (потерянная) для Запада“? – А. Д.): Забытая Византийская империя, которая спасла западную цивилизацию“⁷. Не менее показательно и название более известной в наших широтах книги В. Н. Шиканова „Византия. Щит Европы. Арабо-византийские войны VII–XI веков“⁸.

При этом, однако, С. Б. Сорочан далек от бездумной идеализации византийского общества и государства, отчетливо демонстрируя его слабые стороны, приведшие, в итоге, к гибели Империи. Совершенно немыслимыми, еретическими для ортодоксального апологета Византии, всячески превозносящего Византию как оплот православного христианства, прозвучат следующие слова ученого: „Византийцы не сумели включить ряд постановлений новой идеологии, в частности, такое ее направление, как латинофильство, проявлявшееся в попытках церковной унии с Западом... в ослеплении традициями не хотели видеть спасительный свет нового. Искренние компромиссы оказались выше их сил“ (с. 318). „Служить означало не больше, чем прислуживаться. Гражданский подвиг не стал обязанностью. ... Общественный долг, патриотизм превращались в пустой звук, вера уходила из сердец, а понятие самопожертвования на благо родины вызывало смех. И когда всем стало все равно, что будет со страной, она окончательно пала в крови и прахе“ (с. 319).

Таким образом, виноватыми в гибели империи оказываются, по мнению автора, прежде всего сами византийцы, а уж никак не коварный Запад или дикие полчища турок-османов, хотя, конечно же, вместе с тем, „...надо особо подчеркнуть, что именно внешний фактор

оказался решающим для плачевной судьбы Империи“ (с. 320). Главной, при таком оценочном подходе, представляется не ортодоксия и верность православной христианской традиции, а готовность отказаться от закоренелых идеологических догм ради спасения страны. Представьте, насколько кощунственно это звучит для многих современных ревнителей православия, готовых, видимо, вслед за Лукой Нотарой воскликнуть: „Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара!“

Постепенно „ромей из творцов истории превратились в заложников обстоятельств и были раздавлены огромной тяжестью отдаленных первопричин, корни которых, будто сорняки, уходили в темную глубь веков и пышным цветом разрослись к XV в.“ (с. 320). Однако „падение Константинополя не означало гибели византийской цивилизации. Она продолжала жить в культуре различных стран и народов Европы. Без преувеличения можно сказать, что во многом, благодаря ромеям, Европа приобрела свой современный облик и в ее „душе“ есть и частицы навсегда угасшей Византии“ (с. 326).

Византия, таким образом, во многом стала тем фундаментом, на котором была построена современная Европа, и отказ от ее наследия, вынесение его за пределы условно понимаемого „европейского мира“ весьма опасно для нынешней Европы хотя бы уже тем, что, без осознания значимости византийского наследия, она не сможет уберечься, по словам Ж. Дагрона, от „главной опасности: стать просто Западом“⁹.

„Строительная“ аналогия, приведенная в предыдущем абзаце, представляется далеко не случайной, ведь византийцы были подлинными (у)строителями всей цивилизованной ойкумены Средневековья как в прямом, так и в переносном смысле, причем вплоть до того, что Ф. Курта считает допустимым писать о них, как о создателях славян¹⁰. И, возможно, некими психологическими факторами обуславливается тот факт, что византийским наследием интересуются преимущественно люди, склонные к созиданию, а не разрушению. Так, Джузипе Херрин вспоминает, что первоотличком к написанию переведенной уже сейчас на многие языки талантливой книги „Византия: Удивительная жизнь средневековой империи“¹¹ стал разговор с двумя строителями в касках и тяжелых башмаках, которые однажды постучали в ее дверь с надписью „Professor of Byzantine History“ с целью выяснить, что же представляет из себя эта, упомянутая на табличке, „византийская история“. Горячо поблагодарив за ответ, они поинтересовались, почему же профессор не написал об этом доступную для них книгу, и это стало для Дж. Херрин главным побудительным стимулом.

Возможно, нечто сходное произошло и с книгой С. Б. Сорочана, изданной, как указано на обороте титульного листа, „при финансовой поддержке управляющего АО „Жилстрой-2“ г. Харькова А. В. Конюхова“ (с. 2). Не удержусь от того, чтобы процитировать простые, но вместе с тем искренние слова спонсора по поводу выпущенной при его поддержке книги: „Наш общий знаменатель – культура. Всем известно, что книга – источник знаний. Значит, мы читаем, чтобы получать знания или, на худой конец, информацию. А еще книга – источник удовольствия, коего в жизни не так уж много. И мы читаем, чтобы это удовольствие получать. Нам предложили проект, и мы приняли его с большим удовольствием“¹².

Видимо, об этом же, но в гораздо более поэтичной форме писал в четвертой части своей всемирно известной поэмы „Плавание в Византию“ У. Б. Йейтс:

„Once out of nature I shall never take
My bodily form from any natural thing,
But such a form as Grecian goldsmiths make
Of hammered gold and gold enamelling
To keep a drowsy Emperor awake;
Or set upon a golden bough to sing
To lords and ladies of Byzantium
Of what is past, or passing, or to come

Византия не умерла. Она продолжает жить в колоссальном культурном наследии, выжившем после гибели государства и доныне окончательно не освоенном человечеством. Ее образ

неизгладимо запечатлелся на лице современной Европы и, шире, Средиземноморья, а призрак погибшей Империи до сих пор будоражит воображение колоссальным потенциалом утраченных возможностей. „Вглядись же в этот печальный призрак. Покоясь на каменной груди вечности, он ждет теперь только тебя – только тебя!“ (с. 327).

Своеобразным и вполне уместным рефреном к такой концовке книги звучат слова известной песни группы „Солдат Семенов“ под названием „Ни шагу назад!“:

Все, кто здесь, мы и я – Византия!
В небе и на земле – Византия!
С нами или без нас – Византия!
Над землей в полный рост – Византия!

...

**Византия.
Ни шагу назад!**

¹ Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fwords/Vizantijskij-7550.html> Доступ: 21.10.2011.

² Лидов, А. М. Что нам Византия? Ч. 2. Лик и маска Византии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1222480.html> Доступ: 21.10.2011.

³ Шевченко, І. Сприйняття Візантії. – Критика, 1998, № 11, с. 15.

⁴ Люттвак, Э. Стратегия Византийской империи. М., 2010.

⁵ Kazhdan, A. Byzantium: the Emperor's New Clothes? – History Today, 1989, vol. 39, No 9, 26-34; Каждан, А. П. Трудный путь в Византию. – В.: Одиссей. Человек в истории. М., 1992, с. 35; Трудный путь в Византию. – В: Мир Александра Каждана. СПб., 2003, с. 486.

⁶ Gurevich, A. Why I Am not a Byzantinist. – Dumbarton Oaks Papers, 1991, vol. 46, 93-96; Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. М., 2004, с. 46.

⁷ Brownworth, L. Lost to the West: The Forgotten Byzantine Empire That Rescued Western Civilization. New York, 2009.

⁸ Шиканов, В. Н. Византия. Щит Европы. Арабо-византийские войны VII–XI веков. СПб., 2004.

⁹ Дагрон, Ж. Размышления византиниста о Востоке Европы. – В: Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. В 2 кн. / Ред. А. О. Чубарьян. Кн. 2. М., 2003, с. 536.

¹⁰ Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, ca. 500-700. Cambridge, 2001.

¹¹ Herrin, J. Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire. Princeton, 2008.

¹² В Харькове издана книга „Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры“ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regionstroy.com.ua/5716/> Доступ: 21.10.2011. См. также: <http://www.zhilstroy-2.ua/news/1335.html> Доступ: 21.10.2011.